

ЕГО ВЕК

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

расного» на музыку С. Василенко. Здесь на сцену Большого театра впервые пришло конструктивистское оформление, которое балетмейстер использовал для того, чтобы заново показать пластические ракурсы, положение тела танцовщица в пространстве сцены. Его ругали ругательски. Его травили нещадно. Его уже тогда обвиняли в эротизме и формализме. А он в годы, когда начинали утилизировать любую личность, говорил о ее неповторимости. В то время, когда все личное, даже любовь, ставилось под сомнение, пел гимн этой любви. Ведь, как известно, только в любви человек и бывает поистине свободным. Его обвиняли в разрушении классики, а он поставил прелестный балет «Големид», где зло посмеялся над штампами графических сюжетов и воспел гимн романтическому стилю времен Марии Тальони.

Большой театр работать в своих стенах ему не давал. Молодежь во главе с нынешним руководителем всемирно знаменитого Ансамбля Игорем Моисеевым требовала прихода молодого балетмейстера в оплот академизма. Но «академизм — это сила». И Голейзовский ушел в эстраду, начал работать в московском и ленинградском мюзик-холлах. Здесь он тоже создал свою классику — чего стоило только его знаменитые танцы герлс, изобретенные им «волна», «змея».

Потом были годы скитаний — по городам и весям нашей, тогда единой страны. Узбекистан и Таджикистан, Литва и Белоруссия, Одесса, Харьков. Он хотел

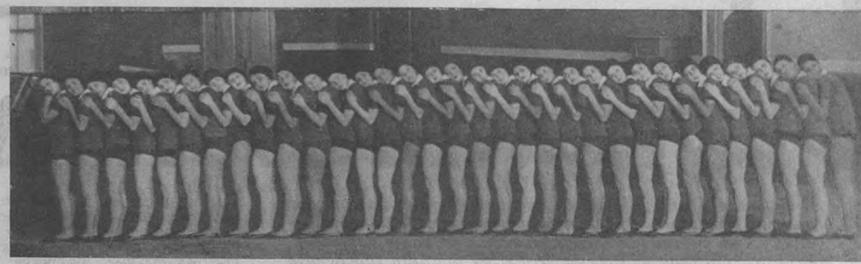
идти в ногу со временем». Поставил первый национальный балет «Две розы» в Таджикистане, «Бахчисарайский фонтан» вслед за Р. Захаровым, классику — «Спящую красавицу». И везде, как тот знаменитый ротный, в ногу не попадал. Для офидиоза оказывался слишком независимым, творил, а не служил, жил искусством. А если такая личность искусством живет, она, конечно, не впишется в общие рамки. Это раздражало власти, беглые вороны, как водится, не были у нас в чести. И Голейзовский многие годы вел жизнь отверженного, отщепенца, в каждой из своих появлявшихся фрагментарно, раз от разу работ обязательно что-то открывая, снова заставляя о себе говорить. Такой легендой он дошел и до нашего поколения. Помню его неудачный в общем-то вечер Майи Плисецкой — но сколько в нем было интересного, непохожего на привычного нам с детства. Помню гениальный номер на музыку С. Рахманинова — «Элегия», поставленную для Галины Уленовой.

Путешествуя по стране, Касьян Ярославич, жадный, любопытный, как ребенок, до своего нового — людей, их жизни, быта, — увлекся танцевальным фольклором. Его неоклассика шестидесятых годов апиталя в себя и уроки свободной пластики, и опыт этнографического танца — русского, восточного. Это увидели мы на премьере балета «Лейли и Меджнун» на музыку С. Баласаняна на сцене Большого театра — последнем балете Голейзовского. Его пригласил в театр молодой тогда Юрий Григорович. Большой театр Касьян Ярославич любил страстно,

болезненно, нежно и бурно. Взаимоотношения с ним строились по принципу вечного притяжения и вечного отталкивания. Но как он мечтал в нем работать! Как мечтал иметь свою труппу, которой, за исключением «Камерного балета», у него так и не появилось. И как любил его танцовщицы театра! Ведь работал, каждый открывал лучшее в себе, своим природным дарованием. Касьян Ярославич нет. Но сегодня, когда ему исполнилось бы сто лет, он жив, а, главное, продолжает свой путь в искусстве. Слава его растет. Все больше людей в разных странах мира интересуется его искусством. Устраиваются конференции, пишутся статьи. Так, наверное, и бывает, когда творчество истинно, когда художник не поддается злобе дня и в любых ситуациях остается самим собой. Мы тоже его не забыли и не забываем. Свидетельство тому — выставка, посвященная хореографу, которая открылась в доме Фонда культуры, объявленные концерты из произведений Голейзовского на сцене Большого театра, в Зале имени Чайковского, в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко в Москве. Это не память — это действительно жизнь. Ведь искусство не умирает, если это искусство.

Подтверждение тому, что горькая и счастливая, полная жизнь Голейзовского в искусстве была Жизнью — его пернатца, его размышления, малую часть которых мы публикуем. Все материалы взяты из архива Балетмейстера, принадлежащего его верной спутнице Вере Петровне Васильевой.

Наталья ЧЕРНОВА.

М 15/Х-27 г. Сердечно-уважаем я и Касьян Ярославич.

Два года тому назад Вы ставили танец в постановке Меерхольда «Д. Е.». Я участвовала в этом деле. Моя фамилия Бабанова. Это я к тому, чтобы Вам напомнить обо мне и объяснить причины, по которым я обращаюсь к Вам.

Так же, как после работы с Меерхольдом, трудно и не хочется работать ни с кем из режиссеров, так же после работы с Вами — нет никакого желания примиряться с другим.

Примите это не как при-

Время есть почти месяц, и работа очень значительная по количеству.

Буду очень, очень Вам благодарна.

Уважающая глубоко М. Бабанова.

15. XI. 63 г. Дорогой мой, любимый Касьян Ярославич!

Мне всегда хотелось что-нибудь сделать для Вас приятное или полезное. Я знаю Ваше отношение ко мне на протяжении всей моей творческой жизни, и мне это было очень дорого, т. к. я высоко ценю все Ваши качества и всю необыкновенность Вашей талантлившей на-

всей серьезности этого дела, этой работы. Но след этого труда остался во мне очень глубоко. Всегда я испытываю чувство большого восхищения и большой благодарности к Вам.

Мне бы никогда не хотелось слышать от Вас слова «долг». Вы мне ничего не должны. Это я Вам должна...

Я очень люблю Вас и поклоняюсь. Целую очень крепко Вашу Майю. (Плисецкая).

1. I. 65 Здравствуйте Касьян Ярославич!

вкусам сегодняшних людей, но мы не можем делать плохо, и это могу божее убеждение. Ведь кто любит арбуз, а кто санной хрючки. И так я был уверен и потому поздравляю, в особенности принимая во внимание возраст. Наши возрасты ведь опасны, это я испытал на себе. Итак, возраст Ваш Вас не подвел, а отсюда и победа, чему я очень рад. Книгу Вашу я начал читать. Ссылки Ваши на различных авторов и читал и их знаю. Уже по началу я вижу серьезный и умный Ваш труд. Стало быть, поздравляю вторично. Брависсимо. Это все приятно в наши времена. Все хорошо, что хорошо кончается. Желаю еще успеха в будущем. Жму Вам руку. Ваш Фед. Лопухов.

Дорогой Касьян Ярославич!

Мне было очень приятно получить Ваше письмо, это очень интересно читать, это ведь своеобразное литературное все, полное таких интересных, поэтических замыслов. Уважайте Вас, дорогой Касьян Ярославич, в каждой строчке Вашего письма, и это так приятно. А Ваши листовые фантазии!

Неужели Вы можете сомневаться, что я сделаю все от меня зависящее, чтобы всеиски сотрудничать организации Вашего торжественного юбилейного вечера. Слово «Торжественный», конечно, не характеризует профессиональную часть вечера, а внутреннюю наполненность его.

Нам необходимо с Вами встретиться в начале будущего сезона и побеседовать о всех делах, мне это будет очень приятно. Большой Театр открывается в середине сентября, и я буду с нетерпением ждать от Вас сигнала. Сердечный привет Вере Петровне от меня и от Н. Ночни.

Уважающий Вас Геннадий Ровдественский. Москва, 17.7.66.

Фрагменты постановки К. Голейзовского. Одесса, 1927 г.

Танец герлс. Московский мюзик-холл. 1928 г.

К. Голейзовский и Н. Бессмертная на репетиции балета «Лейли и Меджнун» 1963 г.

Репетиция балета «Иосиф Прекрасный» 1927 г.

Касьян ГОЛЕЙЗОВСКИЙ:

«НЕИЗБЕЖНОСТЬ МОЖНО ПРЕВРАТИТЬ В МОГУЩЕСТВО РИТМА»

В. П. Васильев

28 сент. 1940 Сталинабад Дорогое мое солнышко Вуськ,

Собираюсь завтра выехать в Москву, даже билет уже был, но приходится срочно выехать на Памир в Тарм и Хорог. Эти места ты можешь увидеть на карте. Тарм — высочайшее место на Памире. Еду я туда, конечно, за плясками и песнями, инструментами и пр. Там, например, есть дойры, ты поминши в Узбекистане ты видела бубен, на котором играл Усто Алим, так это такой же бубен, но такой величине, что на нем играют одновременно до 10 человек.

Люди эти (памирцы) нежные и какие-то неземные. Женщины хороши сизачно и строгие. Что касается Короты, он стоит на границе с Афганистаном и там черзачу можно увидеть иногда, как афганцы веселятся. Увидать их пляски, услышать песни, поглядеть костюмы и пр. Все там сохранилось, как было 200—300 лет назад. На Варзобе я был в кишлаках, существующих по 500—600 лет. На Памире я уже был один раз, но не так далеко теперь ужину чудеса.

Тарм — 21 сент. 1940 Сейчас я работаю тут, кроме своего прямого дела, в двух предприятях — вернее обществах: археологическом и по изучению фольклора и быта Таджикистана и Памира.

Сейчас буду слушать виртуоза на гитаре, а вечером мы едем в один из древних кишлаков на свадьбу. Вот из этой сказки я пишу тебе это письмо; моя Вуся — тоже моя сказка. Твой ГОЛЕЙЗОВСКИЙ.

Отправлено П. А. Гусеву и А. С. Цабель 16.II.56 г.

Ведущие ныне повсеместно, особенно среди работников искусства, разговоры о том, что русская пляска забыта, что она фальсифицирована, не является выдуманной. Русская пляска действительно забыта. На смену ей пришло разное и персахарное жеманство в духе «à la russe», бессмысленная триюстика с непременным хлопанием и шлепаньем себя ладонями по разным частям тела, как это делалось на ресторанной эстраде в прошлом, и дешевое кривлянье с поугами насмешить незыскательного зрителя.

Разговоры о том, что русская пляска забыта, исходят, главным образом, от

людей, у которых еще живы в памяти образцы русской плясовой поэзии. И наша задача в настоящее время вернуть утраченное богатство, возродить великое искусство русского народа.

Русские народные пляски поэтичны, скроены, отличаются легкостью, своеобразной грацией, нежной лирикой и содержательностью. Даже выхваче хороводные лишены, при всей своей простоте, какой-либо органистичности.

Записи в тетрадь (60-е годы)

Во множественном и единственном числе человек представляет собой продолжение той силы, которая содержится в себе, кроме материи, мысли. Неумирающую, невосполную, бесконечную мысль, помещенную в смертную оболочку. Оболочка эта выполняет пологичные ей материальные функции и — с течением времени — истощившись исчезает, превратившись снова в ту химическую комбинацию, формула которой именуется землей.

Встречаюсь на жизненном пути с ограниченными людьми, а думаю: не является ли человеческая неполноценность результатом преобладания материи над мыслью, и пришел к выводу: если на весах нашего существования перевешивает материя — организм захарывает тушью, ограниченностью, отсутствием любопытства и любознательности, наблюдательности, желания творить, совершенствовать природу и пр. Вот почему я и сказал Тебе, что человек, лишенный воображения, неспособный мыслить ассоциативно, никогда не будет художником.

М. Х. Франгопуло

14.II.62 г. Дорогая Маризтта, только сегодня получил возможность написать Вам это письмо. И то только по причине неприятной; что-то было с сердцем и меня уложили на 10 дней, прошло 5 — сделал все исследование и все им благополучно. В основном, думаю, нервы. Да еще страшный инфаркт. Слава Богу, не смертельный. Все, конечно, это выживает поху из-под ног. Надеюсь на Провидение и Непостоянность. И думаю: какое счастье, что есть Непостоянность. Кино отняло Его от сознания людей-кретинов. Хорошо тем, кто что-то знает. Чему-то материальному учились. Таким хоть некогда думать, что над нами властвует сила, которую они

отняли дурацином словом кинет. Но все же она иногда напоминает им о себе. И чем старше становятся эти беспардонные, лишенные способности «летать» и мечтать (мечты им заменяет статистика), чем чаще начинают они ощущать эту силу, тем более и глубже начинают затаивать в глубине души сначала сомнение, а потом и раскаяние и страх. А в общем плываю на эту ограниченную мелочь. [...]

И вдруг нервы... исследования... предследования... чья-то ненависть... разглагольствования пошляков... Нет, Маризтта, надо учиться жить, не замечая всего этого. Просто делать свое дело, не думая о том — современ ли ты или не современ. Особенно когда поймешь, что подлость человеческого, во многих ее проявлениях, всегда более современна, чем честность и добросовестность. Не потому ли многие мудрецы рекомендовали: побольше молчать и слушать каждого в обществе людей и как можно больше беседовать со своей совестью, без посторонних, надежде.

Ваш вопрос: 1. что является основным и важным в период ранней творческой деятельности и что считайте теперь! В основном я на этот вопрос только что подробно ответил, т. к. творчески не менялся и не могу измениться. Такой состав моей крови. Но могу м. б. что и добавить. Я никогда ничего не выдумывал, а делал, делую и буду делать только то, что по-моему необходимо, что выталкивает из меня упорно и настойчиво мое сознание и моя совесть. Вероятно, это и есть «эволюция времени» или подсознательное, логическое мышление, заключенное в моей черепной коробке, помогает мне видеть будущее. Не потому ли меня поимает и любит молодежь, которая всегда вперед, и не по этой ли причине и поэтатор в своем творчестве и частенько опережает время во вред себе! Могу доверять и еще. Только важно ли это! Я никогда не делую копий — не копирую ни событий, ни природы, потому что лучше самой природы ничего нет, ничего ярче, и еще потому, что человек в целом есть Бог, вернее частица Его — а Бог тысячу раз доказал вещественно и материально, что он в силу той логики, какой сам является — творец самого лучшего, а значит и нужного и полезного. Если человек Бог или Его частица, то он должен не повторять, не

копировать Его творения, а продолжать их творить и толкать вперед. В общем ответить на Ваш вопрос можно еще кратко: истинность, чистота беседы с совестью, полный отказ от копирования, обожание природы, восхищение перед борьбой добра со злом и уверенность (на склоне лет), что ни добра, ни зла нет, а есть бесконечное стремление людей к гармонии и ритму, которые эти люди тешно пытаются отыскать друг в друге.

Из дневника 163 Москва 21 октября 1963. Москва Меня тревожат два ощущения, два голоса: один упорно заставляет работать над «Лейли и Меджнун», заставляет брать любую работу; нагружать себя предельно и забыть о своих годах; — другой голос твердит: образумься, физически ты не выдержишь или сорвешь работу на середине. Удержи к себе на хороший воздух — не Ону и там забудь про постановочную работу. Там ты сохранишь здоровье и пр. и пр. Оба эти голоса кричат ощущающе, и звук их доходит до мозга и сердца.

Копировать Его творения, а продолжать их творить и толкать вперед.

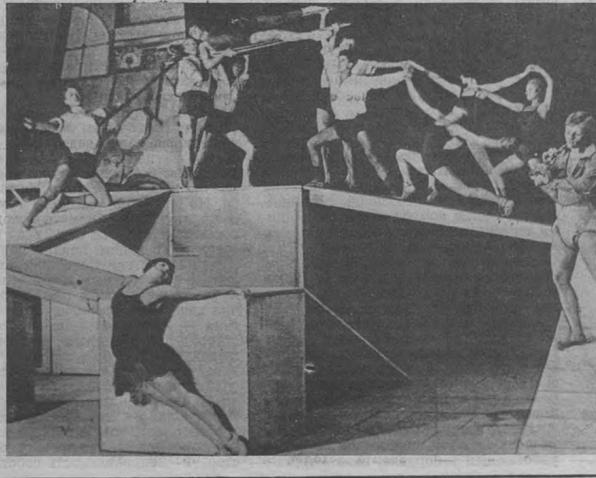
торный комплимент — а просто как ценный факт.

Воюсь, что в данном случае работа не обещает быть для Вас интересной.

В связи с переходом мной в театр Революции возобновляется «Озеро Ляль» — в обновленном состоянии. Там есть два небольших номера для меня и одна общая сцена — с танцами. Если у Вас найдется время и желание — сообщите пожалуйста через актера нашего т. Мартина Ваши условия.

туры. Вы не только талантливый балетмейстер. Вы талантливый человек во всем, за что бы ни взялись, что бы ни делали. Наша с Вами встреча на первом моем сольном концерте принесла мне очень много, несмотря на кажущуюся неулучу этого произведения. Я думаю, что неудача произошла из-за полной неадекватности, поспешности и нерешительности концерта. Я была для этого слишком неопытна и не понимала

Прежде всего Вас и Вашу семью поздравляю с Новым годом и, конечно, желаю здоровья. Во-вторых же, я на основании дошедших до меня слухов, мне кажется, могу Вас поздравить с успешной работой по «Лейли и Меджнун». Собственно говоря, я был в этом уверен, несмотря на Ваши волнения, которые я почувствовал в Вашем письме. Ведь я скажу откровенно, что и Вы, и я, мы, собственно говоря, не можем сделать плохо. Мы можем сделать не по

Госуд. Федеративная Советская Республика Отдел образования Театр. Музыкальн. Секция окт. 30 дня 1919 г. № 4212

Командиру 9-го батальона Железнодорожной обороны Театрально-Музыкальная Секция Н. С. Р. Д. просят Вас, уважаемый товарищ, откомандировать в распоряжение Детского отдела Секции Красноармейца 1-й роты Вашего батальона Касьяна Голейзовского, который совершенно необходим в Секции как режиссер детских спектаклей.

В настоящее время он откомандирован в клуб имени «Калинина», отсутствие его же в Секции наносит большой ущерб делу развития детей пролетариата в театральной области. Очень просим откомандировать тов. Голейзовского в ближайшее время. О решении Вашем просим нас уведомить.

Зав. Театр. Муз. Секции Упр. делами Секции Зав. Дет. отделом Нат. Сап. Секретарь: П. Кауфман

Весомый Комитет по делам искусств при Совете Народных комиссаров Союза ССР Москва дом СНК Союза ССР (Охотный ряд) 31 июля 1937 г. № В-11

Тов. К. Голейзовский Москва, Новинский бульвар 16, кв. 45 Б

В ответ на Ваше заявление, адресованное на имя Председателя Совета Народных комиссаров Союза ССР тов. Молотова, Весомый Комитет по делам Искусств сообщает:

1) Вы были освобождены от работы в Балетном училище Большого театра после показа работ Вашей группы, так как в них имели место элементы стилизации и формализма, идущие вразрез с реалистическим направлением балета Большого театра.

4) Весомый комитет по делам искусств не несет возражений против Вашей работы в одном из оперных театров. Возвращение Ваше на работу в Большой театр Весомый Комитет по делам искусств считает целесообразным.

Зам. Председателя Весомозного Комитета по делам искусств (Я. Болгарский).

Министерство культуры СССР Отдел музыкальных учреждений 23 октября 1958 № 6-1704/17

Москва ул. Чайковского д. 16/20 кв. 46 тов. Голейзовскому К. Я.

Уважаемый Касьян Ярославич! В связи с Вашим письмом на имя Министра культуры СССР тов. Михайлова Н. А. отдел музыкальных учреждений сообщает, что постоянная работа в одном из театров Москвы и Ленинграда в настоящее время не может быть предоставлена Вам ввиду отсутствия вакансий балетмейстера. При Вашем согласии отдел мог бы рекомендовать Вас на постоянную работу в качестве главного балетмейстера в театры оперы и балета союзных республик. В Московских и Ленинградских театрах возможны отдельные постановки (спектаклей и концертных номеров) по Вашей договоренности с руководством этих театров.

Начальник Отдела Музыкальных учреждений З. Варганян.

